

Стоило Ин Цинъяну сгоряча выпалить это признание, как он запоздало понял, насколько опрометчиво поступил.

Особой мужской любви в Поднебесной давно никто не удивлялся — в былые времена благородные мужи Великой Ин и вовсе почитали тягу к юношам за признак утончённого вкуса. Однако от Пятого принца подобного никто не ожидал: за все годы парень не подал ни единого намёка на склонность к «обрезанному рукаву». Окружающие невольно переглянулись: неужто виной всему жизнь в глуши, где отродясь не бывало приличных девиц, вот малец и...

Услышав столь безрассудную отповедь, Великий наставник Цзян Юньчжи, вопреки ожиданиям, успокоился. Он мягко отодвинул в стороны застывших перед ним богатырей — Чэнь Лэя и Цзи Чэнфэна, — чинно оправил широкие рукава и вновь принял свой обычный, невозмутимый вид. Конечно, мгновением ранее старик знатно вспылил, решив, будто Цинъян окончательно ослеп от чужой красоты и напрочь позабыл все прежние предостережения.

— И кто же ты у нас на самом деле: истинный мужеловец или просто упрямец, возжелавший спасти этого несчастного? — ровным голосом спросил Цзян Юньчжи. — Правителю пристало быть милосердным, и в самом спасении жизни греха нет. Но ты поступил безрассудно. Зная, кто ты такой, подумал ли ты хоть на миг, что у этого человека могут быть дурные помыслы? К какому краю ты подталкиваешь жителей нашей деревни?

Ин Цинъян посерьёзnel:

— Разумеется, подумал, почтенный наставник. Посудите сами: на дворе лютый буран, а он мало того что одет не по сезону, так ещё и отравлен редким ядом. Его явно пытались сжить со свету. Раны глубоки, жар усиливается с каждой минутой, и доживёт ли он хотя бы до рассвета — одному небу известно. Если же выкарабкается, мы просто не станем раскрывать ему, кто мы такие. Даже если он решит уйти, беды не случится.

Юноша внимательно всмотрелся в лицо наставника. Поняв, что суровые морщины на лбу Цзян Юньчжи так и не разгладились, он упрямо поджал губы и едва слышно добавил:

— К тому же вы сами недавно твердили, что рано или поздно мне придётся покинуть гору Цюн. Если я испугаюсь даже такой малости, то не лучше ли мне до конца дней безвылазно сидеть здесь, в Цюнчжоу? Так оно надёжнее будет.

У Великого наставника нервно дёрнулась бровь. Как всегда: стоило ему завести нравоучительную беседу, как этот несносный мальчишка ловко затыкал ему рот своим подвешенным языком. Впрочем, Цзян Юньчжи видел, что Пятый принц действует не вслепую. Да и дело сделано — отступить некуда. Цинъян, может, и не годился на роль великого и мудрого государя, но глупцом не был, да и доброе сердце имел. А для того, чтобы уцелеть в этой жизни, ума ему вполне доставало.

— Поступил по-своему — так теперь не смей раскаиваться, — сурово произнёс Цзян Юньчжи.
— Та пилюля очищения от ядов — не просто безделушка, она могла спасти жизнь. Твою

собственную или кого-то из близких. Но теперь сотрясать воздух без толку. Ты добровольно отдал шанс на спасение неизвестному чужаку. Смотри же, не пожалей об этом впредь.

Слова наставника прозвучали веско, заставив Ин Цинъяна на миг растеряться. Юноше почудился в них какой-то скрытый, недобрый намёк, но ухватить ускользающую мысль он так и не сумел.

— Ваша правда, учитель, — легкомысленно отозвался принц, и в его голос вернулись привычные беспечные нотки. — Но человек сам куёт свою судьбу. Да и снадобье это — не панацея. Кто поручится, что в следующий раз оно вообще бы подействовало? А раз так, то и сокрушаться о несбывшемся я не привык.

Цзян Юньчжи лишь горько усмехнулся:

— Языком молоть ты горазд. Раз уж вызвался совершить благое дело, сделай так, чтобы драгоценное лекарство не пропало зря.

Ин Цинъян закивал, а затем с лукавой ухмылкой добавил:

— И да, насчёт моей склонности к мужчинам — я ведь не шутил. Это у меня от природы. Кто знает, может, в нашем роду и прежде водился такой грешок? Так что разговоры о женитьбе и наложницах прошу раз и навсегда прекратить.

Цинъян действительно предпочитал мужчин — он осознал это ещё в своей прошлой жизни. Именно поэтому, когда верные слуги павшей династии приходили к нему с предложением подыскать достойную партию, он изворачивался как мог. Зная за собой эту особенность, он не желал ломать судьбу безвинной девушке и обрекать её на безрадостное существование в эпоху, когда участь женщины и без того была незавидной. Сейчас представился отличный случай обрубить все эти разговоры на корню.

Лица старых придворных вытянулись, а их брови сошлись на переносицах так сурово, что между ними можно было раздавить букашку.

Чэнь Лэй испуганно придвинулся к Цзи Чэнфэну и зашептал:

— Ты когда-нибудь слышал, чтобы кто-то из покойных государей Великой Ин баловался подобным?

— Ну, поговаривали, будто у императора-основателя водились любимчики... — столь же тихо отозвался тот. — Помнишь слухи про Загородный дворец Чистой Волны? Мол, там висел портрет неопишуемой красавицы, которая при ближайшем рассмотрении оказалась юношей.

Портной Шэнь Лан оказался единственным, кого сие известие ничуть не смутило. Он даже с

облегчением вздохнул:

— Что ж, это даже к лучшему. С женским платьем у меня вечно ладилось со скрипом. Одно дело — сшить простенькую рубаху для деревенских тётушек, и совсем другое — облачить супругу принца. Там ведь фасон нужен особый, абы как не сработаешь... Теперь хлопот поубавится.

Было очевидно, что за долгие годы изгнания блестящий книжник, некогда занявший третье место на императорских экзаменах, окончательно превратился в прагматичного ремесленника.

Единственным, кто мог бы поднять бунт против столь вопиющего попрания приличий, был бы старый Шэнь Хуайюань, бывший некогда министром ритуалов. Но на улице разгулялась такая непогода, что заботливый сын поостерёгся тащить дряхлого отца сквозь сугробы. Сейчас старик мирно почивал на тёплой лежанке в доме наставника Цзяна и ни о чём не ведал.

Цзян Юньчжи, краем уха уловив их перешёптывания, поморщился. В памяти его всплыли какие-то дела давно минувших дней, но развивать тему он не стал. Лишь процедил сквозь зубы:

— Воля твоя. Женись хоть на той кобыле хромой, никто слова против не скажет.

Ин Цинъян мысленно хмыкнул.

«Ну и злыдень же вы, учитель. Словом можете резать без ножа»

Юноша отступил на шаг, безмолвно призывая собравшихся взглянуть на лежащего на лежанке мужчину. Даже израненный и бледный, незнакомец казался на удивление величественным.

Новоявленный ценитель мужской красоты расплылся в улыбке:

— А раз так, то мой будущий суженый имеет полное право на лекарства из наших запасов, верно?

Собственные запасы снадобий у изгнанников были небогатыми, но по сравнению с закромами обычных крестьян казались царским сокровищем. Деревня ютилась у самого подножия горы Цюн, чьи дремучие леса славились обилием целебных корней и трав. Их сбор служил для общины едва ли не главным источником пропитания. Раненый же чужак балансировал на грани жизни и смерти, и выхаживание его грозило превратиться в прорву, способную поглотить все накопленные трудом запасы. И ладно бы толк вышел, а ну как помрёт?

Люди в замешательстве переглядывались. В конце концов все взоры обратились к хранителю казны — Великому наставнику.

— Желаете спасти его во что бы то ни стало? — прищурился Цзян Юньчжи.

— Желая! — Ин Цинъян так и просиял, почуяв по тону наставника, что тот готов уступить.

Старик коварно усмехнулся:

— В таком случае — пиши.

— Писать? — растерялся юноша. — Но что именно?

— Брачное обязательство. — Великий наставник так и лучился самодовольством, считая свою затею верхом изящества. — Раз уж вознамерился взять его в жёны, докажи свои намерения делом. Книжной премудрости в твоей голове с гульки нос, но составить простое свадебное письмо, полагаю, сил у тебя достанет.

Принц опешил. На душе у него заскребли кошки от столь откровенного издевательства. Ведь его уловка с женитьбой была шита белыми нитками, и наставник прекрасно понимал, что это лишь благовидный предлог. Но вредный старик ухватился за случай, дабы силой усадить непутёвого ученика за кисть и чернила. Цинъян не сомневался: учитель попросту глумится над ним, зная, как сильно тот утомляется от каллиграфии и заучивания древних канонов.

Впрочем, сделка всё равно выходила выгодной: за пару исписанных листов бумаги он получал полный доступ к драгоценному лекарственному складу.

Насладившись замешательством питомца, Цзян Юньчжи даже бровью не повёл. Он слишком долго не видел этого сорванца загнанным в угол, и сейчас старик испытывал то самое полузабытое удовольствие, с каким некогда в стенах придворной Академии читал нотации высокородным отпрыскам.

— Вот и договорились, — бросил он, величественно взмахнув рукавом халата. — Чтобы брачное письмо лежало у меня на столе до того, как твой избранник очнётся. Я лично скреплю этот союз своим словом.

С этими словами старый наставник круто развернулся и зашагал к выходу. Он был твёрдо намерен проучить своевольного мальчишку. Наказание выходило шуточным, но уязвить гордость Цинъяна должно было изрядно. Цзян Юньчжи давно усвоил: в противостоянии с этим пройдохой даже малейшая капля досады на лице воспитанника приравнивалась к сокрушительной победе.

Ин Цинъяну оставалось лишь с унылым видом проводить гостей до порога. Шедший последним Шэнь Лан сочувственно похлопал юношу по плечу:

— Мужайся, Ваше Высочество. И не забудь как-нибудь снять мерки со своего суженого — надо

же мне знать, по какому лекалу кроить новый наряд.

— Премного благодарен, дядя Шэнь, — уныло отозвался тот.

Вернувшись в жарко натопленную горницу, Цинъян подошёл к лежанке. Лекарь Сунь как раз закончил прощупывать пульс больного. Старик выглядел крайне озабоченным.

— Ваше Высочество, у него начался сильнейший жар, — покачал он головой. — Скажу прямо: если до утра лихорадка не спадёт, бедняга испустит дух.

С самого начала было ясно, что чужак стоит у самого порога могилы: ледяной холод сковал тело, яд проник до самых костей, да ещё и множественные раны лишили его последних сил. И пускай чудодейственная пилюля замедлила действие отравы, леденящий студ уже успел поразить внутренние органы. Теперь, когда тело больного полыхало в огне лихорадки, любое промедление грозило непоправимым: даже если парень выживет, безумие может навсегда помрачить его разум.

Ин Цинъян посерьёзnel:

— Прошу вас, лекарь Сунь, сделайте всё, что в ваших силах. Понимаю, что заставил вас поволноваться, но положение безвыходное. Не держите на меня зла.

Старик сердито зыркнул на него из-под кустистых бровей:

— Да разве моё слово для вас указ? Вы, благородные господа голубых кровей, вечно творите что в голову взбредёт, а мнения лекарей и в грош не ставите. Одно слово — сумасброды!

Ворчание старого лекаря было вполне объяснимым — память о годах службы при дворе Великой Ин до сих пор отзывалась в его душе горькой обидой на капризных вельмож, и сейчас он просто выплёскивал накопившуюся желчь на единственного уцелевшего принца. Ин Цинъян безропотно сносил бесконечные упрёки, лишь понимающе кивал да виновато улыбался.

Выписав новое снадобье, лекарь принялся раскладывать свои инструменты, явно намереваясь провести ночь у постели больного. Сунь привык доводить дело до конца: раз уж взялся за спасение, то обязан самолично увидеть, очнётся ли бедолага или же навеки закроет глаза. Однако старец был уже глубоко немолод, и Ин Цинъян не мог позволить ему лишиться сна в столь суровую стужу. Выспросив у лекаря все наставления по уходу за раненым, он уговорил старика вернуться к себе.

Тот упрямылся, и тогда принц, заговорщицки понизив голос, шепнул:

— А вдруг верна старая притча, будто тяжелобольной без памяти влюбляется в первого, кого узрит по возвращении с того света? Так пускай же этим спасителем предстану я!

Лекарь Сунь вытаращил глаза:

— Ваше Высочество... Не нужно ублажать слух старика столь сомнительными бреднями. Ухожу я, ухожу. Но если почувешь, что парень испускает дух, немедленно зови меня.

— И не подумаю, — весело осклабился Цинъян. — Вот поправится, и я заставлю его лично явиться к вам с поклоном.

— Мечтать не вредно... — проворчал Сунь.

Оставив пучки сушёных трав и глиняный горшок для варки зелий, старик подхватил свой сундучок. Вскоре А-Мо увёл его под локоть в метель.

С уходом последнего гостя в комнате воцарилась тишина. Ин Цинъян принялся за хлопоты: развёл огонь в очаге, поставил томиться лечебный отвар, потрогал пышущий жаром лоб незнакомца и заботливо подоткнул тяжёлое одеяло. Затем он притащил к постели низкую скамеечку, а с выдавшего виды письменного стола захватил стопку дешёвой серой бумаги, тушь и кисть.

Устроившись у изголовья раненого, юноша принялся неторопливо растирать тушевой брусок в каменной ступке, не сводя задумчивого взора с утончённого профиля лежащего мужчины. Стоило ему отложить брусок и взять в руки кисть, как работа застыла — принц в нерешительности прикусил кончик рукояти.

Муки творчества давались ему нелегко. Это было совсем не то же самое, что держать ответ перед строгим наставником на экзамене: сейчас Цинъян чувствовал себя так, словно сидел на иголках. Ему чудилось, будто стоит ему начертать на листе банальную глупость, как этот прекрасный незнакомец тут же очнётся, сядет на постели и с глубочайшим презрением посмотрит на его каракули. Мол, разве может просвещённый муж писать столь убогим слогом? Тонкие, благородные черты лица больного не оставляли сомнений: этот человек наверняка искущён в высоком слоге, изящной поэзии и тонких искусствах.

Ин Цинъян хмыкнул про себя.

«Ишь, раз мечтался. Неужто ждёшь от меня высокопарной любовной чепухи? Всё равно ведь не прочтёшь, к чему тогда изводить тушь?»

Подперев подбородок ладонью, юноша замороженно скользил взглядом по чужому лицу. Тёмный след запекшейся крови у виска невольно вернул его мысли к той минуте, когда он впервые увидел незнакомца на дне ущелья. То было не просто восхищение красивым лицом — в то мгновение, когда жизнь хрупкого создания едва теплилась в теле, в нём сквозило такое трагическое величие, что у Ин Цинъяна перехватило дыхание.

Рука сама потянулась к бумаге, и кончик кисти мягко коснулся серого листа, выводя первые иероглифы:

— Крупными хлопьями падает снег, но лик твой — рдеющий цветок персика.

<http://bllate.org/book/19722/1953722>